

Евгений Карнович

Пан Лада и Фридрих Великий

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Карнович

Пан Лада и Фридрих Великий

«Public Domain»

1873

Карнович Е. П.

Пан Лада и Фридрих Великий / Е. П. Карнович — «Public Domain», 1873 — (Очерки и рассказы из старинного быта Польши)

ISBN 978-5-457-12338-0

«Идя с патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевские комиссары и сопровождавшие их солдаты приближались к обширному имению, расположенному на одном из пограничных ручьёв. В этом имении крестьянские хаты живописно были раскинуты под тенью развесистых лип, дубов и клёнов, за ними не в дальнем расстоянии виднелся большой замок причудливой архитектуры. Это имение и этот замок принадлежали пану Яну Ладе, потомку древнего шляхетского рода...»

ISBN 978-5-457-12338-0

© Карнович Е. П., 1873
© Public Domain, 1873

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Евгений Петрович Карнович Пан Лада и Фридрих Великий

см. примечание ¹

В 1772 году совершился первый раздел Польши, и вот началось межевание между новыми владельцами и Речью Посполитой. Проще всех распоряжался в этом случае король прусский Фридрих Великий. В ту часть Польши, которая при первом её дележе досталась Пруссии, было послано в каждый уезд по два комиссара; комиссары приезжали к приходскому ксёндзу и заговаривали с ним по-немецки, но как, в большей части случаев, ксёндзы не понимали по-немецки, то между ними и представителями новой власти начинался разговор на ломаном полу-польском и полу-немецком языке. В заключение разговора, ксёндзы и собиравшиеся около него прихожане догадывались, о чём идёт дело; они под конец узнавали, что местность, посещённая пруссаками, принадлежит уже не светлейшей республике, но его величеству, королю прусскому, которому она досталась при разделе Речи Посполитой, под именем южной Пруссии.

После такого объяснения, комиссары вынимали из карманов несколько листов печатных бумаг, которые они называли королевскими патентами. Четыре экземпляра таких патентов вручались местному владельцу, четыре ксёндзу для прочтения с амвона в первое воскресенье или в первый праздничный день и для прибития к дверям костёла, и наконец ещё четыре экземпляра слуга, состоявший при комиссаре, относил в ближайшую корчму, для сообщения во всеобщее сведение.

За распоряжавшимися таким образом королевско-прусскими комиссарами, являлись прусские солдаты; они ставили на указанном комиссарами месте столбы, с прусскими чёрными орлами, и в заключение всего оставлялось у ксёндза столько экземпляров объявлений на немецком языке, сколько считалось в околотке шляхетских домов.

Излишним кажется говорить, что патенты и объявления извещали о присоединении к королевству прусскому тех местностей, в которых ставились солдатами столбы с королевскими орлами. Расставляя столбы, немцы упорно торговались с поляками, отстаивая в свою пользу каждый клочок земли. При этом, для избежания недоразумений на будущее время, они старались проводить границу вдоль рек, ручьёв, болот и вообще по таким местам, где сама природа уже провела свою собственную границу. Пруссаки крепко держались такого способа размежевания; но весьма часто случалось, что земли, принадлежавшие одной и той же деревне, были расположены по обоим берегам пограничных речек и ручьёв, и так как оказывалось невозможным делить деревню, то возникало множество столкновений и споров. Ввиду этих обстоятельств, в Берлине, после разных толков и недоразумений, постановили наконец правилом, что положение помещичьей усадьбы должно решать вопрос, к какому государству принадлежит всё поместье.

Идя с патентами и столбами вдоль новой прусско-польской границы, королевские комиссары и сопровождавшие их солдаты приближались к обширному имению, расположенному на одном из пограничных ручьёв. В этом имении крестьянские хаты живописно были раскинуты под тенью развесистых лип, дубов и клёнов, за ними не в дальнем рассто-

---

¹ Анекдот о соперничестве польского пана с знаменитым прусским королём служил не раз сюжетом и для серьёзных и для комических рассказов в польской литературе. Основой же для настоящего очерка послужил рассказ, напечатанный в издававшейся три года тому назад в Петербурге польской газете «*Slowo*». Со своей стороны мы изменили этот рассказ во многих частностях, стараясь приноровить его главным образом к общей цели наших очерков, а именно к ознакомлению читателей с особенностями старинного быта Польши.

янии виднелся большой замок причудливой архитектуры. Это имение и этот замок принадлежали пану Яну Ладе, потому что древнего шляхетского рода.

Пану Ладе в ту пору, когда собирались навестить его прусские комиссары, было уже лет за пятьдесят, и несмотря на рану, которую ему пришлось получить в бою, сражаясь в рядах конфедератов, он крепко стоял на ногах, и не прочь был опять отправиться в поход против своих недругов. Пан Лада был широкоплечий мужчина высокого роста, и отличался такой величавой и молодецкой осанкой, которой мог бы позавидовать каждый сенатор и каштелян. Пан Лада происходил из обедневшей шляхты, но ему посчастливилось жениться на внучке воеводы Серадзского; за женой он получил много богатых поместий, а в числе их и то, к которому приближались теперь нежданные и непрощенные гости. Несмотря на богатство и отвагу, пан Лада был человек весьма добрый, обходительный, и потому во всём околоте пользовался любовью и преданностью шляхты.

Не без сильного волнения узнал пан Лада о приближении пруссаков, и волнение его обратилось в ужас, когда ему сообщили правила, которыми руководствуются при размежевании комиссары. Старый замок пана Лады стоял на прусской стороне ручья, и следовательно по силе правил, принятых в Берлине, владелец этого замка должен был перейти в пруссакам. Этой ужасной мысли никак не мог перенести пан Лада.

Известно, что ввиду близкой опасности люди бывают находчивее, нежели в ту пору, когда их ничто не пугает порядком; так было и с паном Ладой. Не ожидая он к себе в скором времени прусских комиссаров, он бы не догадался, каким способом можно отделаться от подданства Пруссии, но теперь, ввиду неминуемой опасности, вдруг озарила его голову светлая мысль.

Пан Лада поспешно собрал всех своих крестьян, дал им заступы и лопаты, и после трудной, но непродолжительной работы, успел отвести русло ручья за свой сад. Быстрый ток, бросившийся стремглав по покатиному месту в новое узкое ложе, рвал и уносил землю, и к прибытию комиссаров, граница, за которую с таким удовольствием хватались немцы, была уже на новом месте. Шумно бежал теперь ручей не перед садом, но за садом. Находчивый шляхтич вздохнул свободно, и спокойно ожидал королевских комиссаров. Явились они в поместье пана Лады, походили кругом да около, потолковали между собою, и затем, к общему удовольствию, вскоре удалились, поставив граничные столбы далеко за лесом, который принадлежал пану Ладе и тянулся сплошной, широкой полосой по его владениям.

Успешная сделка пана Лады с обманутыми комиссарами была отпразднована в его замке достойным образом. Множество гостей, после трёхдневных пиров, уехали от пана, жалуясь на тяжесть в голове, и не совсем отчётливо припоминая всё что им привелось видеть и слышать в доме радушного хозяина.

Оправившись от лихой выпивки с приятелями и соседями, пан Лада вдруг начал сильно хмуриться. В голове его, вместо приятного чада от токайского, стали бродить самые тяжёлые думы.

– Я радуюсь, но чему? – спрашивал сам себя пан Лада, – разве тому только, что я спасся от немцев?.. Но неужели же мне не позор принадлежать к такой бессильной, расслабленной республике? Нет! Польша не стоит меня: она не сумела удержать за собою такого гражданина, и чуть было не выдала меня немцам... Разве я заслужил подобное пренебрежение от своей родины?.. Я докажу, что я человек не дюжинный... Я знаю что сделаю...

Проговорив эти слова самым решительным голосом, пан Лада приосанился и гордо посмотрел вокруг себя, но в комнате на этот раз не было никого.

Через несколько дней разнёсся в замке слух, что скоро приедут польские комиссары для постановки пограничных столбов со стороны Речи Посполитой. Снова скликнул пан Лада всех своих крестьян, снова раздал им заступы и лопаты, и спустя несколько времени, ручей бежал по прежнему руслу. Грустно посмотрели польские комиссары на великолепное

имение, отошедшее к Пруссии, и поставили столбы далеко за лугом, за орешником и песчаным холмом.

Производя постановку столбов с белыми польскими орлами, комиссары пытались было навестить пана Ладу, но вместо гостеприимного приглашения получили от него следующий ответ:

"Я перестал быть подданным Речи Посполитой и не принимаю граждан её в моём доме".

С грустью прочли этот обидный ответ прежние соотечественники пана Лады; они в раздумье покачали головами, пошали плечами, и принимая подобный ответ, как выражение скорби, перенесли обиду и постановили между собою избегать на будущее время всяких сношений с паном Ладой.

После этого происшествия пан Лада видимо изменился. Из человека, прежде весёлого и общительного, он сделался суров и молчалив. Большую часть дня он сидел безвыходно у себя в комнате, а если проходил иногда через залы, то шёл мерными, медленными шагами, не обращая внимания ни на прислугу, ни на шляхтичей, живших в его замке.

Все начали перешёптываться между собою, недоумевая о причине такой быстрой перемены. Даже супруга ясновельможного пана не могла объяснить себе некоторых странностей своего сожителя, который стал смотреть на неё свысока и говорил с ней только изредка, да и то как-то важно и отрывисто.

После продолжительных совещаний и долгих колебаний, обитатели замка положили, наконец, разрешить мучившее их сомнение. Для того они избрали из своей среды старика-шляхтича, пана Онуфрия, любимца пана Лады, и поручили ему осведомиться обо всём подробно. Пять раз приближался старик к ясновельможному, пять раз раскрывал рот и пять раз, не пробормотав ни слова, отступал почтительно перед величавым взглядом пана Лады.

Все были недовольны депутатом. На него со всех сторон сыпались укоры и насмешки. Приходилось, для избежания неприятностей, действовать с большею решимостью, и старик, помолвившись усердно Богу и подкрепив себя порядочной чаркой, явился снова перед сумрачным паном.

При появлении пана Онуфрия пан Лада быстро вскочил с кресел.

– Что тебе нужно от меня?.. – грозно, почти бешено закричал он.

– Простите великодушно, – проговорил запинаясь оторопелый старик, – простите великодушно, но ваша печаль, ваше одиночество беспокоит всех, кто вам предан и кто любит вас...

– А кто тебе сказал, что я печален... Напротив, мне весело, да и как ещё весело, – как никогда не бывало!.. Ну что ты смотришь на меня таким бараньим, бестолковым взглядом?..

– Я... я сомневаюсь...

– Сомневаешься! а в чём?.. Неужели же ты или кто-нибудь другой может сомневаться, что я теперь государь, что я король, ни от кого независимый?

Изумлённый пан Онуфрий разинул рот и с явным недоверием смотрел на стоявшего перед ними пана Ладу.

– Я хотел сказать... – заговорил оправившийся немного старик, – я хотел сказать, что мы очень радовались, когда увидели, что вы так искусно спасли нас от немцев.

– Ну так что же? Говори скорей!.. – крикнул нетерпеливо пан Лада.

– А теперь мы с грустью видим, что вы, надумавшись, предполагаете, по своей доброй воле, передаться пруссакам.

– Чёрт их побери! – гаркнул громовым голосом пан Лада, – кто это тебе наврал, старый пустомеля?..

– Но ведь ваша милость не приняли польских комиссаров, и столбы, которые белеются теперь за орешником и песчаным холмом, ясно показывают...

– Что ты просто на просто глуп... Да, ты глуп, пан Онуфрий, – заговорил с заметным хладнокровием пан Лада, не давая вымолвить старику ни полслова. – Я хотел было сделать тебя канцлером, но вижу, что ты в этом неспособен. Убирайся с Богом... Да и все вы оставьте меня в покое и знайте только одно, что всякие перешёптывания и догадки вам строго воспрещаются... Ждите – придёт время, и узнаете то, чего теперь никак не можете понять.

Растерявшийся старик поплёлся назад: в голове его был невообразимый переполох.

Между тем пан Лада, запершись в своей комнате, всё читал и писал. Никто не смел потревожить его, кроме гайдука Игнация, который получал непосредственно от него какие-то таинственные приказания. Гайдук почти не слезал с лошади. Едва успевал он отвезти одно письмо, как должен был скакать, сломя шею, с новым посланием своего пана. Но от этого верного слуги нельзя было добиться ни слова: он всегда молчал и имел привычку раскрывать рот только тогда, когда нужно было есть или пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.